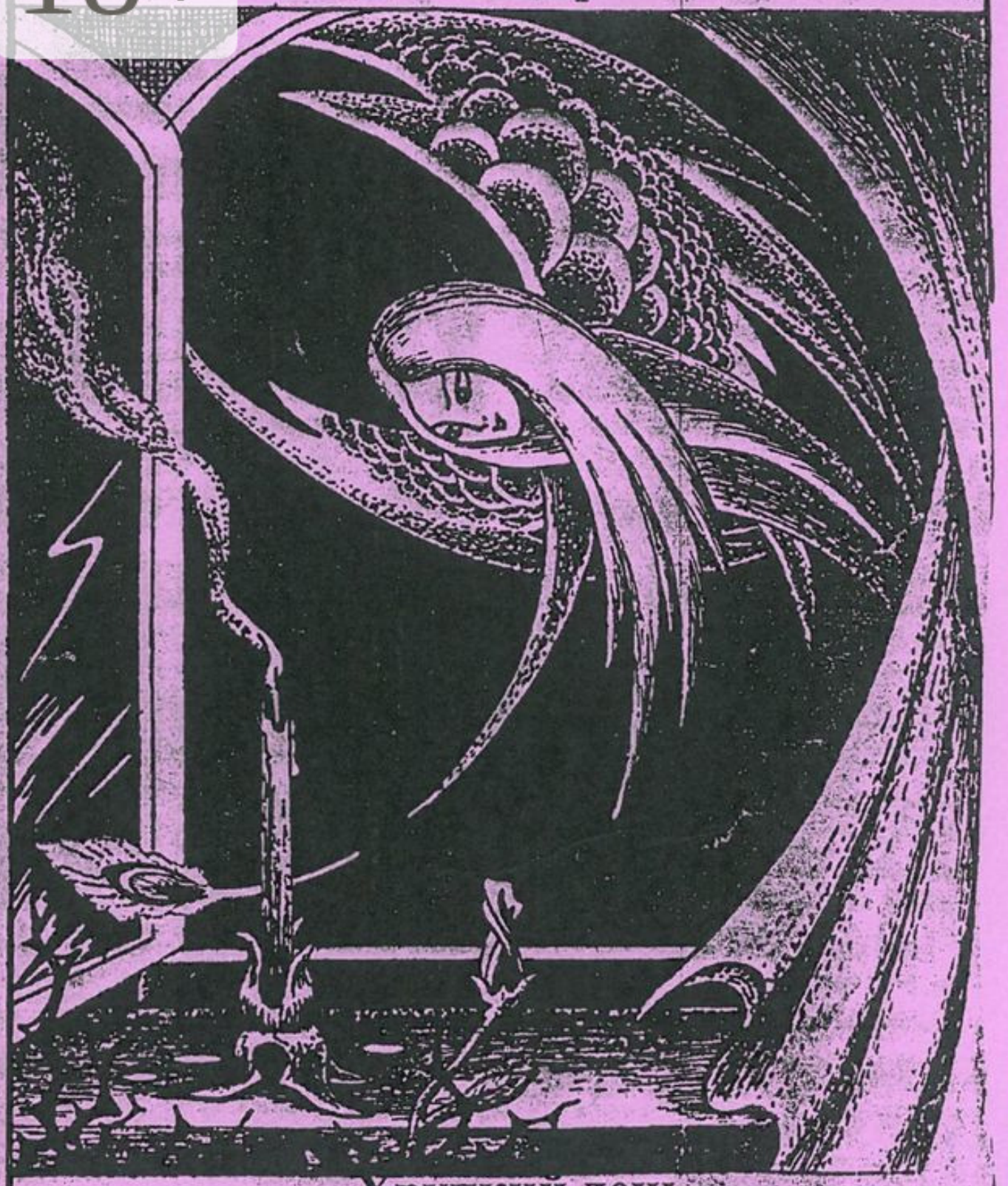
18+

Наталья Гаврикова



Хрупкий день

Наталья Гаврикова

Хрупкий день

«Издательские решения»

Гаврикова Н.

Хрупкий день / Н. Гаврикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983363-1

В книгу «Хрупкий день» вошли стихи, написанные до 2002 года, в том числе лирические произведения моего раннего творчества, несколько новых стихотворений и проза: «Сосна шумит со сна», «Встреча в подземном королевстве» (волшебная повесть о могуществе лесных фей, о неожиданной встрече разлучённых ими, любящих друг друга людей).

ISBN 978-5-44-983363-1

© Гаврикова Н.
© Издательские решения

Содержание

«Колодцев много на Руси…» 6
ПРИЗНАНИЕ 8
ЁЛКА 9
ПРОЗРАЧНОЕ ДЕРЕВО 10
СРЕДИ ИГРУШЕК 11
ХРУПКИЙ ДЕНЬ 12
СЛУШАЮ ЛУНУ 13
МИРАЖ ЛЮБВИ 14
ВЕСТЬ 15
ОТЦОВСКИЙ СНЕГОПАД 16
ГРУСТЬ 17
ВОСПОМИНАНИЯ 18
ТУПИК 19
ЛЕТЯЩИЙ ПОЕЗД 20
МИЛОСТЫНЯ 21
ТРЕВОЖНЫЙ СОН ОБЩЕЖИТИЯ 22
ПАДЕНИЕ 23
ДОБРОТА 24
ДВА БЕРЕГА 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Хрупкий день
Наталья Гаврикова

© Наталья Гаврикова, 2020
ISBN 978-5-4498-3363-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Колодцев много на Руси…»

Колодцев много на Руси,
Да где же мне любовь крестить —
Любовь бездонную, новорождённую?
В одном колодце – на века
Ведро и сруб – и глубока,
Сладка, легка его вода —
Испей до дна!
В другом колодце – ил тоски;
Крутить верёвку – не с руки:
Гремит ведро, шалит ведро —
Оно громоздко и старо.
Колодец третий подключён
Своим космическим лучом —
К созвездиям, истокам рек,
И к снам, что видит человек.
Но есть колодец – он в тени
Засох и погасил огни.
Скрипучий ворот поседел,
Ведро худое спит без дел.
Осел туман на мшистом дне;
Едва пробился родничок,
Он весь – воды в один глоток.
Но в тяжком сне —
Его бы мне.
В твоих глазах – их свет далёк —
На самом дне есть тот глоток.

* * *

С высоты предвечернего часа
Лист летит над ступенями – вниз,
Забываясь в кружении частом,
Словно в этом чарующий смысл.
Между небом и Волжским откосом —
До аккордов нездешней весны —
Он в тумане летит безголосом
Сквозь мои разветвлённые сны.
Сон и явь он связует навеки,
В нём воздушные встретились реки,
Те, которым над сетью дорог
Дал свое направление Бог.
Знает лист обо всём случайном,
Что разводит и сводит вдруг:
О возвышенном, сложном, тайном…
Попадая из круга в круг,
Он закручен, заверчен – в жажде —

Никогда не достичь земли,
Одержимый мечтой бесстрашной,
Словно солнце, войти в зенит.

* * *

Не надо к высоте прозренья
Ни слов, ни красок подбирать,
Светил разумные движенья
Победной мыслью осязать.

Там, в глубине неисчислимой,
Таиться будут родники,
И отблески неуловимой,
Сквозящей в музыке, тоски.

Захочешь выразить – не сможешь
Смычком по струнам провести —
И вымолвишь невольно: «Боже,
За этот дерзкий взмах – прости».

И там – на зыбкой звёздной грани —
Земную обнаружив нить,
Не надо поцелуем ранить,
Каким захочешь исцелить.

ПРИЗНАНИЕ

Некий мастер из сочных колосьев и трав
Смастерил короля, Самосветом назвав.
Был король разудал и речист,
Треуголкой сложил остролист,
Шпагой сделал ячменное остье,
Нарядился на зависть колосьям.
Он умел излучать удивительный свет,
Жаждал славы, любовных и ратных побед.
И явился к нему бледно-розовый конь,
Ухом пал на готовую править ладонь.
В перестуке копыт появлялись на свет —
За куплетом куплет, за сонетом сонет.
Сочинитель-король, обожавший шутить,
Как-то раз гарцевал по дневному пути.
Пригляделся – дрожит золотая слеза —
На цветке, что похож на живые глаза.
И сказала роса: «Господин, я твоя,
Я умею, как ты, веселиться
И блистать, как твоя небылица».
Но не понял король эту боль, эту роль,
Эту женственность, что изначальна.
И сказал он шутя: «Я не знаю тебя», —
И росинка упала печально.
Был ли это ее молчаливый упрёк —
Но споткнулся коняга о бледный цветок.

ЁЛКА

Она вошла – сокровище лесное,
И вещи расступились перед ней.
Сплелось, смешалось сказочно-родное —
Из серебра, из бусинок огней.
Она вошла – и запахи схлестнулись,
И детству кланялся волшебный мак.
Верхушкою – звездой на карауле —
Был мрак притянут и рассеян мрак.
Приблизилась – и нет её родней!
Шагну навстречу к ней – и струшу:
Как больно колет огоньки и душу!
Она со мной – и душно, беспокойно
Горят огни ответные во мне.
Мы отражаемся друг в друге хвойно,
Растём и ширимся, но не вполне.
И не обнять и не прижать к себе,
Лишь попросить о счастье невозможном.
Как жаль, что долгожданное в судьбе
Мне целовать приходится тревожно.

ПРОЗРАЧНОЕ ДЕРЕВО

Дерево открыто фонарём
От корней до контура верхушки:
Дышит, светит внутренним огнём
На достопочтенные избушки.
Веточка за веточкой парит
В день узорный русского Крещенья.
Зримое с невидимым роднит
Бережное чудо-освещенье.
Принимает сумеречный вид
Всех сомнений горестных утечка,
А в прозрачном дереве манит
Сумеркам подаренная свечка.

СРЕДИ ИГРУШЕК

Крутится ёлка на чёрной пластинке
Старого вечного танго;
Мчится вне времени к звёздной снежинке
Мальчик стеклянный на санках.
Я ощущаю, что уменьшаюсь, —
В маленький домик из блесток вмещаюсь —
И зажигаю огни из смешинок
Клоуна-мага – он – сальто;
Ночь предо мною, в сиянье снежинок,
Кружится, как Эсмеральда.

ХРУПКИЙ ДЕНЬ

Город забудется, словно осядет
В искорки зимнего сна,
Плотскому, тленному силы не хватит
Скинуть узоры с окна.
День невесомый дотронется кистью —
Даже до райских ворот!
Тайной и чудной божественной мыслью
Луч по деревьям скользнёт.
Встанет поспешно природа на цыпочки,
Чтобы расслышать январские скрипочки.
Бедное сердце впервые увидит
Берег любви и обитель,
Хрупкую, как изо льда.
Мы повстречаемся только тогда…

СЛУШАЮ ЛУНУ

Художнику Л. Колосову

Вгляжусь – и удивлюсь:
Я в сказке нахожусь.
Во всем рисунок мысли суеверной:
В том, как фонарь скрипит,
Как снежный кот лежит.
Он околдован лунностью, наверно.
Мне показалось: тут
За несколько минут
Прибавилось зимы.
Домишки – как холмы.
И я войду в зеркальную снежинку.
И сто молитв прочту
И мимо пролечу —
На медленную старую пластинку.

МИРАЖ ЛЮБВИ

Мне падал в детские ладони
Священный снег.
Вдруг свадьбой зазвенели кони —
Во весь разбег.
Мне показались наважденьем —
Галоп, метель,
Невероятное виденье —
Луна в фате.
О снег! До этого ты просто
И так легко
Мог стать к гармонии всезвёздной
Проводником.
Мой детский смех
Сроднил так крепко
С самим собой,
Что ощутила каждой клеткой
Я волшебство.
Но бешено промчались кони
По линии моей ладони —
И нет земли.
Слова зажглись на небосклоне:
МИРАЖ ЛЮБВИ.
Нет, снег – не чудо кружевное,
В краю невест
Снежинкой правят неземною
Любовь и крест.

ВЕСТЬ

Прости, я знаю, что не донесу
Тебе росы на розе говорящей,
Такой же жаркой, как и кровь в грозу,
Когда и воздух опьянённый слаще.
В осеннем дне исчезнет аромат,
Закат мелодию зари заглушит,
Цветка любви коснётся рай и ад,
Но временно я отпускаю душу —
Лететь так осторожно над зимой,
Чтоб ветер лепестки не искалечил,
И снится мне воздушный, ледяной,
Застывший мир – узор противоречий.
Снегирь подхватит розу на лету —
И в грешной не задержится руке.
А ты, возможно, откровенность ту
Переведёшь на птичьем языке.

ОТЦОВСКИЙ СНЕГОПАД

Лежишь недвижимый, горы тяжелей,
И легче снежинки родная душа,
Которая хочет сказать: не жалей,
Родная, что умер от тени ножа.
В красивых ресницах – погаснувший взгляд.
Мерцает задумчивый снегопад.
Безветренно, тихо, и тянет ко сну.
Возможно ль поверить, что нет человека?
Мне не понять – за какую вину —
Ты вычеркнут даже из сонного снега?

ГРУСТЬ

Морозного узора полудрёма,
Сиреневые блики на окне.
Как призрачно, тепло и странно дома, —
И я одна, и очень грустно мне.
Я память слушаю, реальность забывая,
И слёзы не смываются мои.
Жизнь мёртвая и смерть живая —
Туманно перепутались они.
И липнет к потолку лиловое распятье,
И шаркают минуты на часах.
Незримой мамы свадебное платье
На звёздных колыхается весах.

ВОСПОМИНАНИЯ

Распахнулась душа, растревожилась,
Заболела опять красотой,
И любовь позабытая ожила,
Как надвинулся вечер седой.
Всех созвездий мерцанье прицельное,
Грохот волн, всё, чем жизнь хороша:
Драгоценный мираж беспредельного, —
Не земная рождала душа.
Счастье – что? Непосильная ноша,
Светозарный – БЕЗ ДНА – окоём.
После смерти я стану порошей,
Затекающим в окна дождём.
Голос мой разобьётся о крыши,
Затоскует душа в фонарях:
– Дорогие, любимые, тише…
Не будите, не трогайте зря.

ТУПИК

В стране, где ясности больше нет,
Я родилась, как нездешний свет,
В значении важном таком – ПОЭТ.
Я родилась в час пик —
От искр, слетевших с дуги – в тупик,
От сверхчувствительных хлёстких гроз,
От самых горьких и тайных слёз.
Поэтому я говорю напрямик
(Меня откровенью учил родник!),
Что больше всего боюсь потерять,
Того, кто не мне говорит «люблю»,
Кому, может быть, совсем наплевать,
Где я блуждаю и с кем я сплю.
Но только апрель вознесёт благовест,
Я вижу, я слышу: Иисус Воскрес!
Позвольте дотронуться до небес,
Позвольте к губам поднести весну,
Иначе я не усну!

ЛЕТЯЩИЙ ПОЕЗД

Стрелки часов превратились в стрелу —
Тронулся поезд в двенадцать ноль-ноль.
Сердцем закутаюсь в сумрак-золу,
Дрожью подступит дорожная боль.
Высятся ели могучей стеной,
Движется поезд по вечной прямой.
Сколько же здесь собралось бедолаг, —
Пиво болтливое тешит бродяг!
Им не до сна: ведь желанный ночлег,
Радость эта – как тающий снег.
Суетно дыбится сумрачный шум,
Призрак случайных задымленных дум
Выдохнул кто-то в бескрайнюю мглу,
Словно бы к небу приник – не к стеклу.
Хочет он тронуть магический диск,
Сблизить бездомность, дороги и риск,
Скинуть земное – и в звездах пропасть.
Цепко трясёт сумасшедшая мысль,
Странная, редкая, меткая страсть
Этот поезд, длиною в жизнь.

МИЛОСТЫНЯ

Стенал пленённый метрополитен,
Дробилось время возле гулких стен.
Мне было грустно двигаться устало,
Но упоённо сердце замирало:
В сквозном пространстве, на вершине дня,
Парил смычок – и понимал меня.
В забытый май мелодия лилась —
Меня опять околдовала страсть.
Былого счастья звёздные гроши
Зажглись на дне моей больной души.
Писала скрипка длинное письмо…
Как поезд, детство пролетело.
Глаза парнишки-скрипача – давно
Смотрели вдаль осиротело.

Пропала где-то в суете людской
Немая тень с протянутой рукой.

ТРЕВОЖНЫЙ СОН ОБЩЕЖИТИЯ

Чёрная женщина ЧЁРНОЙ КОШКОЙ
Из двери в дверь прошмыгнёт
взъерошенной ПОЛНОЧЬЮ,
алчной, безлунной.
Цап! всё, что плохо лежит, —
Выскочит – и сбежит.
Девушка в подростковом платье
Проводит дружочка до снежной наледи.
Включит, вернувшись, свет. —
Подарка-колечка нет!
Свернулось клубком общежитие,
В паутинах дрожит наитие.
Все мечты и надежды – дым!
К двум особушкам молодым,
Чьи сердца понапрасну жгли,
Двойники только что вошли.
Кто-то ветрено-непутёвый
Вдруг поверил в свой сон бредовый,
Встречи с дамами торопя,
Раздвоил самого себя.
Как иным удаётся всё же
Приласкать одного и того же
В разных крыльях общаги тёмной,
Рядом с шушерой коридорной?
Где-то мышь заскребётся горестно,
Жалобно скрипнет дверь,
Заоконный фонарь напористый
Будет нюхать столы, как зверь.
Шевельнётся немая рукопись —
Постарается скинуть сон.
Между строк зазияет звукопись:
Скрип, Всхлип, Стон.

ПАДЕНИЕ

Лучами бледными, усталыми, сквозными
В тяжёлом сне, как будто не родная,
Сияла непонятная Москва.
Напротив мэрии сомкнулись магазины,
Машины облепили тротуары
Меж зданием громадным и важнейшим
И яростно раскрашенной витриной,
Где пыжилась нелепая реклама.
И все бы было, кажется, спокойно,
Когда бы дверь, внезапно распахнувшись,
Не выплюнула из себя бродягу.
С кровавым ртом и горлом рассечённым,
Ничком упал он на асфальт неровный.
В руках у смерти, развращённо-цепкой,
Он стал неистово харкаться кровью,
В агонии припадочной дрожа.
А двое незадачливых друзей,
А, может быть, убийц нетерпеливых
К нему пытались молча подступиться.
Поблизости от этого паденья
Машины разворачивались плавно
К большому ослепительному зданью…
А люди, люди отчуждённо,
Не зная улиц, лиц не узнавая,
Шли по судьбе того, кто умирал.

ДОБРОТА

Как дар волшебный доброта,
Её не исчерпать печали,
Хотя страдальцам иногда
Бессильной кажется вначале.

Она бессмертна, доброта,
И в самый трудный час нежданно
Вдруг Вифлеемская звезда
Появится над полем бранным.

Засветится во тьме ночной
Воспоминание участья,
И ты душой своей больной
Почувствуешь, что близко счастье.

* * *

Он пророс из глухого колодца
Ю. Кузнецов

Мне новая эра снится,
И сон этот вечность длится.
Сойдутся луна и солнце,
И сдружатся мрак и свет,
Решится открыть оконце
На стыке веков поэт —
Подсолнуху из колодца
Исполнится триста лет.

ДВА БЕРЕГА

Клубилась меж звёзд седина,
Неясного света скольженье;
И ночь уставала от сна,
Не находя выраженья —
И с самого дальнего дна
Едва замерцало движенье…
У ног созревали цветы,
И таяла пена морская;
Всем сердцем задумался ты…
До тайны любви вырастая,
За небо задел – и, блистая,
Слетела звезда с высоты.
Я сказала: «Не гасни,
Ведь не будет прекрасней,
Ярче, краше не будет».
Но разбилась средь буден,
Но осталась на том берегу,
В белых розах, как будто в снегу.

* * *

Я найду тебя в шёпоте страниц,
В тесноте ресниц, в трепете зарниц.
В очень странном сне ты придёшь ко мне.
Не таким, как я видела тебя —
Посреди зимы и в бреду дождя:
Уходящим вдаль, где моя печаль.
Обрету, как свет – пробужденья миг,
Как вопрос – ответ,
Как душа – язык.
И на этот раз не поссорит нас
Перстень неживой в сплетне роковой.

* * *

Уроню поцелуй нечаянный
В светлый шёпот твоих волос.
Полюблю в тебе изначальное:
То, что грело и то, что жглось.

А глаза твои баламутные,
Ох, украдены из болот.
Непутёвый ты, неразлутный.
Страстный странник в тебе живёт,

А ресницы боятся влажные
Зацепиться за ветви чувств.

Вряд ли сдашься – сгоревший заживо
На жонглёрских кистях искусств.

* * *

Рассудочной жизни наперекор —
Пошёл ты по скрытой тропе.
Любовь, как высокий цыганский костёр,
Всю душу согрела тебе.

Подвижные тени – причуды огня —
Самозабвение ночи и дня.

Нельзя пересилить такую любовь,
Забыть, обойти стороной,
Чтоб ни было – всё же не прекословь
Затее её огневой.

Языческим пламенем перекрести
Души небывалый подъём,
Глаза голубые закрой – и лети
За искрой, сроднившись с огнём.

* * *

Во мне остался тихий свет…
Я стаю птиц в себя впустила —
И стала небом и простила
Тебя за дерзкую любовь,
За прикипающую кровь
Замедленного поцелуя.

* * *

О, сколько к тебе прилетало птиц,
Желанных, доверчивых и нежданных;
Свободные, гордые – падали ниц —
И растворялись в глазах туманных.
Ты их с ладони кормил и с губ
И потчевал песнями без названий,
И обнимал, как ветвями дуб,
Готовый исполнить пятьсот желаний.
Но только однажды попала в плен
Упрямая птаха – меж рам оконных
Забилась она, как в тоске Кармен,
И солнце бежало от перьев черных.
Ты понял: такую не приручить,
Не вызволить из западни стеклянной,
Приблизил к окну ты огонь свечи
И птицу поил полосой багряной.
Она, позабывшись, – твоя взяла! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.